

Виталий ЛАМОВ

д. Першинская,
Вологодская область

ТЕРБАРИЙ ЖИЗНИ

Трава памяти и любви

– Всем бы так жить! – усмешливо и хитровато восклицает хозяин, принимая нас на своём придомовом огороде.

Мы с готовностью соглашаемся, и дело тут не только в шашлыках, в самоварном чае со свежим мёдом... даже не в 40-градусной «Кедровке».

Всё действие происходит в «ботаническом саду» на участке нашего приятеля вблизи районного центра.

Чего тут только не произрастает: от картошки и огурцов до дынь; от смороды с малиной до груш; от лекарственных трав и кустарников до... винограда.

Да, да! На нашей северной широте в 60 градусов вырастает настоящий виноград.

Пусть эта культура требует особого ухода и горизонтального положения ветвей, но ягоды сладкие, как и южные. Даже вино местного разлива мы пробовали!

Более сотни культурных растений воймует и насторит наш непоседливый приятель. Добавим к этому мирное жужжание хлопотливых пчёл на пасеке, величавый бор, подступающий к саду, знание того, что совсем близко, за тем вон забором на пойменном лугу изогнулось серпом староречье, в которое зашла в паводок рыба.

Там и лодка в кустах «живёт»...

– Если есть в той жизни сады, – говорит хозяин, подняв взгляд кверху, – хотелось бы и там ухаживать за растениями и пчёлами.

Никто из нас не возражает, и мы, бывшие лесничие, снова провозглашаем тост за природу, за лес.

* * *

* * *

Несмотря на любовную привязанность к природе и работу в её лоне, секреты, тайны и белые пятна для меня остались.

Пожалуюсь на недостаточное знание трав, их названия, научные, по крайней мере. «Для всего, что существует в природе, в русском языке есть великое множество хороших слов и названий», – справедливо отметил К.Г.Паустовский. Действительно, в народном деревенском языке многие травы имеют свои названия. Скажем, таволга вязолистная или лабазник называется у нас багулой (не путать с багульником). Не самая качественная кормовая трава и сено из неё. Но она хорошо косится и благодаря своему росту до плеч способствует набиранию сенного объёма. Говорится это со знанием дела, так как многие свои и колхозные сенокосы имели сплошной багульней травостой.

Самым, пожалуй, памятным таким сенокосом было урочище Чистки. Вёрст пять лесной тропы, коровы могли зайти, так что зароды приходилось огораживать. Ну и на травостой следует пожаловаться. Трудно было с сенокосами, когда в деревне здравствовала ферма на 100 коровьих головушек да телятник, а ещё чуть в прошлое – конюшня.

Своих коровушек держали до полусотен голов. Да, не хватало сенокосов. Случались и споры, скандалы, обиды. Всё кругом выкашивалось подчистую.

Небольшие сенокосные ляги¹ мозаично располагались хотя и в лиственном, но рослом лесу. Горизонта видно не было, и проказистые тучки с мокротой набежали весьма непредвиденно. Старались помочь в сенокосе городские гости, и не раз, замочив сено, приходилось с грустью отмеривать лесные вёрсты к дому всей компанией. Уходили, чтобы вернуться и выставить всё-таки это нелёгкое сено. Со временем появился казённый мотоцикл «Минск», с лесной тропы были убраны все палки, и своё передвижение, по крайней мере, облегчилось...

Что и говорить! Никак не выкинешь из песни жизни познание трав потным и оводным², усердным до изнеможения сенокосным трудом. С заготовкой сена была связана жизнь всего деревенского народа. С конца июня примерно и до уборки льна и зерновых (как повезёт с погодой) пропадал люд в лугах, на наволоках, чищенинах³. Летом дома оставались неходячие (плохо ходячие) малыши да ветераны, «сметавшие» свои силы и здоровье в «стога» благополучия колхоза. Родины благополучия без достойной и адекватной компенсации.

...Жарким июльским днём ставили своей семьёй сенокос по долине лесного ручья Хмелевки. По людскому счёту уже шёл второй год третьего тысячелетия, а у нас в руках те же косы, грабли и вилы, что мозолили руки и выпивали силу у крестьян неизвестно сколько веков. Честно сказать, было обидно. На деревенскую ли жизнь? На политику с экономикой? На судьбу? Непонятно, на кого и на что, но обида и усталость росли вместе, словно двойняшки. В обед напился чаю из котелка и прилёг под берёзами на горячую землю. Через узорчатую зелень крон церковными фресками голубело небо. Вольно раскинувшись на спине, смотрел на приподнятый слудицей (уменьш. от слуда – крутой, обрывистый склон) лес напротив, на белые колонны стволов над собой, тонул взглядом в небесном океане. И, видимо, что-то узрел, понял. Или оттуда, сверху, пришло успокоение? Как будто посетил церковный храм и помолился. Накатило вдруг счастье, снизошла такая благодать, что не только не осталось недовольства и раздражения, а появилась потребность в благодарении за причастность к этому дню, лесному сенокосу, к этим берёзам, к запаху сена, шепоту осинки, к потной, но необходимой и, в общем-то, приятной работе. Многим ли людям дано такое почувствовать? Только тем, кто давал закайку не ходить больше в лес мёрзнуть, мокнуть или кормить гнус своей кровью, но наутро забывал своё обещание; кто уставал в лесу до полусмерти и млел от объятий кострового жара; кто проклинал лесную тропу и спешил снова ступить на неё. Лес привязывает и мгновениями счастья, и днями лишений...

Около ручья растут кусты жимолости голубой, ну, а по-нашенскому – «котовики». В сенокосные времена не преминешь, бывало, вкусить этих синеватых ягод (вернее – ягодообразных плодов), идя с котелком за очередной порцией водной струи. Горьковаты они, но с каким-то притягивающим вкусом. Как-то удалось попробовать даже варенье из котовиков. О-ри-ги-наль-ный вкус!..

* * *

Однако мы о травах. Как тут не вспомнишь и коскую (хорошо режущуюся косой) «листьяжку», и проволочную «сивуху», доступную только остро налаженным косам в крепких мужских руках и размахах. И не очень-то по-доброму вспоминается одно пришлое растение. Люпин...

*Иду тропой заброшенного поля.
Люпин стеной – лазури синева.
Сиротствует земля. Чья выполнена воля?
Где объяснению найти слова?
Здесь раньше жито золотом сияло
И колос кланялся прохожим на ветру.
В трудах землѐй деревня процветала,
Петух будил и солнце поутру.
Бурѐнка молоком парным поила,
Капустные поля и клевер – сенокос.
Какая сила это всё сгубила?
Обманною красой, зачем люпин пророс?*

Александр Куренгин

Говорят, в район занёс семена люпина с железнодорожной станции агроном-новатор в заплечном мешке. Культура эта полезна, обогащая почву азотом, но очень плодovита и вынослива. Жадный к жизни люпин! Корни уходят на значительную глубину в почву, и любой крохотный отросток выстреливает в новое растение. Горошины семян в солнечные дни конца лета вылетают из подсохших стручков на многие метры. Этот чикоток (щелчки) хорошо слышен в люпиновых зарослях в знойный полдень. При слабой культуре обработки почвы, с нарушением технологии севооборота люпин быстро распространился по угодьям. Если на пашнях его запахивали, то на лугах, больших и малых сенокосах люпин превратился в сорняк, если не сказать бедствие. В сено люпин не годится, а извести его было невозможно.

– Увезу семена люпина с собой, на даче посею, – поделился земляк, приехавший в деревню в гости из города.

– Вези, вези... соседу на участок не забудь горсть бросить, – ответствовали ему со смешком соседи, зная, что не отговорить завистливого гостя. – Весь посёлок дачный заполонит, зафиолетит.

Люпиновые цветы в целом фиолетовые, но встречаются красные и белые. Вообще, красивые цветы и запах сильный и не отталкивающий. Хранятся, правда, очень недолго. С торговлей цветами люпина с перевозкой из деревни в город ничего не получится. Не бизнес для деревни.

Приезжали в колхоз за семенами люпина хозяйства из дальних районов, помнится. На здравые увещевания и советы не обращали внимания. А колхозу что?! Деньги заплачены, так везите куда хотите, сейте, майтесь потом.

Но были попытки использовать люпин не только для удобрения. В колхозах строились сушильные агрегаты для производства витаминной муки (АВМ) для скота. Траву сушили и пере-

малывали в муку, в том числе и ранний, ещё до цветения, люпин. Горьковата, пожалуй, была та мучка, да не спросишь у коровушек. И их нет, и вкус колбасы-то из них уже забыт. А агрегаты – АВМ эти, оказались энергетически затратными и долго не просуществовали.

Живуч люпин. Каким-то образом он пророс даже за десятки километров от деревенских полей. Приживается и в редком лесу. Единственный соперник ему – кипрей (иван-чай). Борьба природы. Из животных подѐдали листья люпина только козы и овцы. Иногда замечалось, как зайчик притрагивался к зеленому сеноку из-под первого снега отавному листику люпина... Да, так вот, люпин очень мешал заготавливать сено. Приходилось его кусты скашивать отдельно и выкидывать...

Время – это наши желания, телодвижения, дела, воспоминания. Будет время и без нас. Не будет нашего времени. Чужое будет время. Оно и сейчас уже непонятное. Течёт не так, не туда. Не деревенское время. Не наше. Безвременье.

Поразительно, но в 90-х годах века двадцатого и на смене тысячелетий сенокосы стали не нужны. Разорили колхозы, забили, свезли скот с ферм. За ними со слезами на глазах рассталось с коровками и овечками население из своих хлевов. Сенокос ушёл в небытие. Как сон: было, не было? Горячие и размашистые телодвижения косцов растворились в прошлом, словно в концентрированной кислоте, и осели (сохранились) только в памяти престарелых аборигенов. Руки ещё помнят сенокосный труд. Помнят. Болью.

Нелегка была сенокосная работа, но и радостна, когда по завершении протяжного дня, от раннего рассвета до позднего заката, глаза любовно начнут ласкать стройный пузатенький зарод или приталенную пышногрудую копну. Весомый и радостный результат жаркого труда. Скульптуру своего мастерства. Всё ушло, кануло в Лету. Ох, чудны дела наши, люди! На своей земле. Чудны.

Подумается в иной раз: поколение за поколением ломали колхозники и все деревенские жители в летнюю страду. Ведь помимо колхозного сенокоса надо было ещё и для личного хозяйства сена наставить. Как управлялись, удивляешься сам. Сейчас ничего не надо, всё в магазинах есть. Хоть и скудны пенсии, но до голода не доводят. Что это? Жизнь дала передышку, роздых? Отдыхает жизнь. Или умирает? Взрастит ли отаву? Печальные ответы шепотом... печальным шепотом беззубого рта.

Тема покоса нескончаема, размером с судьбу, и мы, возможно, ещё выйдем на покос с прокосами своих воспоминаний.

Летом, перед сенокосом и параллельно, была ещё одна деревенская травяная эпопея – силосование. Бульдозером в земле вырывалась траншея, в которую набивалась измельчённая травяная масса. Денно и ночью эту «зелёнку» трамбовал гусеничный трактор. Потом, когда яма заполнялась сотнями тонн травы с выжатыми «соками», её прикрывали подручным материалом и засыпали землёй. Без доступа воздуха в этой массе образуется молочная кислота. Зимой траншею вскрывали, и силос ежедневной нормой развозили по фермам. Разумеется, таких силосных траншей в колхозе было не одна и не две.

Запах от силоса, надо сказать, был специфический и стойкий. Стоило зайти на ферму, как одежда пропитывалась силосом вкупе с навозом на длительное время. Почти все там духи. Нет, нет, это не брезгливая и не пренебрежительная риторика о прошлом, а отражение деревенской действительности. Просто отражение. И на пьедестал почёта у меня возведены доярка и телятница, а никак не надушенные, покрашенные, напыщенные, ничего не разумеющие девицы. Да! Сам-то дышал природой, лесом и костровым дымком преимущественно, но силосование в памяти отложилось прочно. Не утерянными доныне запахами. Заблудились наши запахи в подлом забытьи и, как следствие, разрухе деревни. Память отложилась трудовыми запахами.

Школьные лета были работными. В начале июня возили на лошадях навоз на пары. Тут и силосование подоспевало. Парни чаще всего привлекались на агрегаты, где на ходу разравнивали в тракторных телегах сыплющуюся из жерла «КИРЫ» травяную сечку. «КИРА» – прицепной механизм с косилкой и барабаном для измельчения травы. «КИРУ» и телегу с высокими бортами тащил по травяному полю трактор «Беларусь». В телеге с вилами мы трудились по двое. Напарником моим чаще других был дружок Сашка.

Нам нравилось весь день «кататься» на природе, особенно с негрубым трактористом. Добрым отношением к нам, ребятам, запомнился тракторист Василий Васильевич. По пришествию своего времени Сашка, сам уже тракторист, токарь и прочее, породнился с Васильевичем, выйдя в зятья.

В силос шёл клевер и такие травяные культуры, как ежа, тимофеевка. Помнится, как продолговатые головки тимофеевки с семенами мы, ребята, щепотками сбрасывали в корзинки (зобеньки) для будущего посева. Вовсе хорошо было, когда колхозное начальство отводило к силосованию гороховое поле. Горох, правда, был ещё

молодой со стручками плитками, но нежный и сладкий. Нарванную гороховину (стебли) мы отправляли в подарок тем, кто разравнивал «зелёнку» на «яме» (траншее). Там трудились обычно женщины и девчонки.

Многое, конечно, память не удержала. Случаев разных. Роились сомнения, надо ли рассказывать этот вот эпизод. Решил не таить. Вспоминается к этому тракторист Николай, любивший поболтать о женщинах. Его любимая фраза была: «Жить надо так, чтобы было чего вспомнить». (Не знаю, что ему вспоминается сейчас: старческое здоровье балагура прошлого неважно, говорят.) Можно фразу продлить: «Но неудобно про это рассказывать». Мы расскажем.

Все силосовальщики (заготовители силоса) собрались на «яме», на обед, наверное. На разравнивании привозимой травяной массы работала женщина... (имя упустил). Замуж она не вышла и была в фаворе у представителей мужского пола. Один бойкий механизатор при всей компании повелительно скомандовал ей: «Ну-ка «сфотографируй» нас!» Без всякого стеснения и ужимок женщина задрала подол... Для нас, растущих отроков, это было и шоком, и откровением. Не выцвела «фотография»!

* * *

Немного неспокойна своя совесть по поводу ботанических знаний ещё и потому, что учился в лесном техникуме, собирал гербарий и сдавал экзамен. «Я учился траве, раскрывая тетрадь...» (Арс. Тарковский). И сдал на пять, да забылось кое-что. Но совсем-то уж не будем себя уничтожать. Знакомы нам, скажем, ядовитые растения: вороний глаз, волчье лыко и волчьи ягоды, а белена не коренится на родине.

Ведомы и съедобные, с детства опробованные травки. Это и щавель (кислица), нежнейшие лепестки лесной кислицы обыкновенной (заячьей капусты), молодые огородные «дудки» из зонтичных, колоски хвоща полевого (пистики).

Снять почему-то не ели, но в 90-е прошлого века познали и её. Некоторые годы из последней десятилетки ушедшего тысячелетия тянули на голод для простых людей. Вспомнились тогда и травы... не для скота... для себя. Да и продолжает пребывать в сохранности закоренелая эта память: не нагнули бы снова... к траве.

«Беда – лебеда», – известное выражение. Лебеда – сорняк, и всегда ассоциировалась в нашем понятии с бедным житьём и голодом. В начале нынешнего века в наиболее благодатный

для жизни сезон (без сенокоса если и прочего крестьянского натяга!) в деревню стали наезжать пермяки. Эти приезжие из славной Перми укоренились, да и насовсем переехали в деревню. В солидном пенсионном возрасте, из большого города да в захиревшую деревню! С какого же перепуга?! Но мы не об этом. Приезжие оказались вегетарианцами и набросились на выращивание овощей и прочей зелени. В том числе... лебедеды! Заготавливают и на зиму. Готовят похлёбку из десятка трав и овощей. А ничего этот «силос»... съедобный! Особо если сметанкой заправить погуще.

* * *

Кто не знает клевер луговой с красными головками? Есть и ползучий с более мелкими белыми шариками. Иной раз выщипнешь щепотку лепестков из цветочного шарика и высосешь нектарную сладость. Всё лето в своё время цвели клеверные поля. Да простит автора терпеливый читатель: постоянно приходится сравнивать прошлое и настоящее, а в последнем-то и описывать нечего. Скукожилась жизнь. Ужаслась.

Но было в прошлом бытие ещё ужаснее.

Если в начале XXI века деревенская пенсионерская жизнь со всем своим укладом и хозяйством тихо и незаметно тает и утекает, впитываясь в бесславный пласт истории, то деревня былого не раз голодала. Особенно голодоморным выдался, по воспоминаниям предков, 1947 год. Люди не только ели мякину, но даже пилили мелкими ножовками древесину и добавляли в замес из чего попало, ещё и опилки. Скорее всего, именно эти бедняги и лежат в рядах безымянных холмиков на кладбище. По рассказам, сил-то у живых не было стащить покойного на кладбище. Умирили вернувшиеся с войны победители: не погибли в страшных боях на чужбине, а дома полегли. Приходилось слышать рассказы очевидцев, бывших детьми в то горькое время, как они выживали, набивая нутро чем попало, как раздувались их животы...

За сбор колосков следовал арест и острог. Красноголового клевера также не давали щипать свободно. Для сбора головок отводили участки-делянки. Это сражает наповал: кормовое растение для скота выделялось голодным людям в самом ограниченном виде (!). Знающие природу и угодыя находили какие-то клочки дикого клевера и пользовались подарком природы. Головки (шишки) сушили, разминали и добавляли в какую-никакую муку. Клеверные лепёшки помогали выжить. Славный клевер.

* * *

Вспоминаются и «пистики» (полевой хвощ). Почвы у нас кислые, как раз любезны этому растению, своего рода индикатору пахотных земель. Хвощ применяется в лечебных целях, но мы о его съедобности. Довольно ранней весной на макушке растения появляются зеленовато-коричневатые колоски со спорами («пистики»). Пока споры не созрели, колоски эти съедобны, даже с претензией на приятный, хотя и своеобразный вкус. Пишутся вот эти строки, и хочется положить в рот «пистик»-другой, да увы. Поля под лесом, луга под «периной» полеглих дурных трав, и негде прорасти весеннему хвощу.

Автор заикнулся о наших кислых почвах. Агронмия для достижения нейтральной среды в полях завозили на них известь. Карьер с известью имелся и у нас за деревней в верховьях реки Уфтыги на самом её берегу. Наше детство было обогащено тем, что наезжали летом из районного центра машины за этим самым белым грунтом. Мы робко тянули руки, и некоторые шоферы садили нас в кабины. Млея от удовольствия, каталась ребятня по целым дням. Помнится, как один шофёр напевал: «Я трясусь, ты трясешься, оба мы трясемся...»

«Жизнь – это усталость, растущая с каждым шагом», – заметил С. Батлер. Особенно если сузить это высказывание до конкретики, до лесных шагов! Что ж, посоветуем пить природные чаи. В карманах своей лесной одёжки находилось место и для кусочков берёзовой чаги, и для веточек смороды. Остановишься вздуть котелок – заварки искать и не надо.

Поразительно меняются времена. Во втором десятилетии тронувшегося с ума XXI века пришла «мода» на чагу и листья иван-чая (кипрея). Чагу в лесах выбрали подчистую, все берёзы обкорнали. Говорят, в Китай идёт. Близкие географически и натурой к лесу мужики с хорошими ногами да на вездеходах («каракатами») прозвали эту самодельную технику) даже неплохо подзаработали. Теперь с собственным лесным знанием и опытом не скоро для себя сыщешь кусочек этого ценного нароста. Медленно она растёт, чага-то...

* * *

На иван-чае тоже неплохо зарабатывают. Того в наших запущенных полях пока много растёт, обильно даже. Мы не вдаёмся в полезность того или иного растения. Информации в

наше время на медицинскую тему невпроворот. Но готовить чайную заварку из кипрея автор порекомендует.

Есть ещё одна популярная и полезная лесная заварка – листья брусники. В своё время брусничник заготавливали на сдачу, когда существовали такие организации, как «Потребкооперация», «Заготконтора» да аптеки принимали. Наваристый, насыщенный напиток даёт высушенный брусничник.

«Не стоит краснеть, заимствуя у народа средства, служащие к его излечению. Лечит болезни врач, а излечивает – Природа», – сделал вывод ещё Гиппократ.

* * *

Какое самое детское растение? Нет, не ягоды, которые в берестяных кулёчках и коробочках приносили для малышни возвращавшиеся с сенокосов или пастбищ родители, бабушки и дедушки. «Детским» растением назовём ликоподий (у нас своё название – вилашная мучка). Из его высушенных колосков выпадали споры, и этим порошком присыпали опрелости младенцев. За приличную относительно цену заготавливали «порошок» ликоподия на сдачу. Помнится, как колоски подсыхали на солнечном подоконнике в летней избе. (В настоящее время сбор ликоподия запрещён.)

* * *

Растения-захватчики. Зелёные террористы. Такие термины «клеишь» иногда к некоторым растениям. Люпин мы вспомнили. Ещё более нежелательное и даже опасное растение наступает на наши земли. Это борщевик Сосновского. Очень наглядный пример того, как надо быть осторожными с разведением растений. Борщевик этот набирает огромную массу зелени (его рост значительно выше человеческого) и предназначался для силосования. Но, пользуясь своей жизнестойкостью и хозяйственной (человеческой) расхлябанностью, не преминул продвинуться на все свободные территории. Растение вызывает ожоги дыхательных путей и кожи и весьма трудоёмко к его искоренению. В Тарногском районе Вологодчины борщевик местами, увы, распространился. В родной для автора местности (Верховье) этот «террорист» пока не наблюдается, хотя энтузиазм аграриев чуть было к этому не привёл. Спас, уберёг... развал хозяйства. Мужики рассказывали, что на чердаке закрывшейся кол-

хозной конторы нашли мешок с семенами борщевика Сосновского и сожгли его на огне.

Да, борщевика на родной земле нет, слава богу, но ведь растения умеют путешествовать. Тот же люпин опять помянем. Вспоминается пижма. 3-4 десятка лет назад собирал пучок этого «желтоглазого» растения на обочине дороги в трёх десятках вёрст от своей местности. Нынче глядь, а пижма уже заняла боковину дороги под своей древней. Растения-путешественники.

* * *

На сенокосе около береговых кустов частенько попадалось рослое и очень колючее растение – татарник. Руками не ухватить, так что приходилось изловчаться и косевищем (черенок, рукоять косы) отшвыривать растение в сторону. Не татарские ли конницы затащили эту колючку в лесную сторону века назад? Или же название растения из-за своей злой колючести ассоциировалось с захватчиками и сохранилось в веках? Предположения и фантазии, простите.

* * *

Культурные растения тоже... Растут в своём Когороде весьма и весьма полезные растения – ревеня и топинамбур. Знающие хозяева, подарившие эти культуры, сразу предупредили, чтобы я не распускал их, а то «весь огород заполюнят». Действительно, осторожнее нужно поступать с допуском растений на грядки, как и людей в свою жизнь.

* * *

Легендарную популярность имеет народное лечение травами. Будучи сам отчасти ботаником, не мог не увлечься сбором сведений о лекарственных травах. Особенно после того, как у старшего по годам товарища увидел папку с газетными вырезками о целебных свойствах растений. Позавидовал и сам азартом воспылил к собиранию архива. Ранее не так-то широко и публиковались такие сведения. Это сейчас масса специальных журналов и интернет...

Со временем пришло понимание, что растения – не панацея от болезней. В химических лекарствах действующее вещество сконцентрировано значительно в большей степени, нежели в травах. Но всегда мечталось о применении тонизирующих растений. Когда непредвиденно затянется твой путь, когда прошёл, кажется, весь лес, а лес

прошёлсЯ по тебе, и ничем не взвесить груз усталости... Кто не мечтал о женьшене, особенно начитавшись книг В. К. Арсеньева («Дерсу Узала»)?

В конце 1980-х годов начавшееся предпринимательство позволило приобрести через почту семена экзотических для Вологодчины растений. Нет, до женьшеня не дошло, а семена элеутерококка колючего, левзеи сафлоровидной и родиолы розовой были с благоговением внесены в лучшую грядку своего огорода. Знаменитые тоники! Мёртвого поднимают! Выжила и до сих пор растёт родиола розовая (золотой корень).

В своё время мы шутили: давай заварим сено (отвар приготовим), вот и лекарство всему организму: вовнутрь и натирание али компресс. А что! В разнотравье прежних лугов был абсолютно весь комплекс фитолечения.

* * *

В своих записках-воспоминаниях можно напелести что угодно. Но зачем? Годы – не старость, а ощущение встречи с вечностью. Зачем врать и хватать перед вечностью? Перед самим собой? Для чего лепить себе памятник из песка? Оглядываясь на прошлое, спрашивая себя, могу сказать: «Не был по жизни «сорной травой». Жизнь, правда, пыталась удалить со своей «грядки». «Прополоть». Не хочу приравнять себя к газонной травке. Особо-то «стрижке» не поддавался. Имел своё мнение. Мог гордо уйти. И никто чрезмерно за мной не ухаживал. Не сравниваю себя с «цветком» на клумбе. Не любил красоваться и хватать. Пытался быть впереди, но не вёл беззастенчивой, тем более наглой борьбы за существование и не толкался локтями. Не был выскочкой, и места у «парадного подъезда» мне не было. Не «красовался». Был простым луговым, полевым, лесным растением, а не пышным бутонном на помпезной клумбе. Без ухода, полива и подкормки. На «клумбе жизни» среди скромных людей мне не было тесно. Уютно было.

«Былинка»? Нет! Меня любили, и я любил. Не могу говорить о своём одиночестве. Незначительностью себя унижать. Вёл дело своей жизни – охрана лесов и природы – с желанием и любовью. Не прогибался, не кланялся начальству и новомодным веяниям времени. «Чертополох»? Нет. Пытался быть справедливым и не делать зла. Не оброс колючками и ядом с желчью не пропитался. Назову себя полезным для людей и Божьего мира растением, если уж опустил тему размышлений и признаний до трав. Добрым и отходчивым. Не помнящим зла, особо если шли

навстречу. Нахожу себя таким. Об отношении к себе окружающих сказать однозначно невозможно. Мы же знаем поговорку о солнце. Не всем выделил тепло; не всем уделил и тень.

Шесть десятков лет с гаком позволили с лихвой познать, как непостоянна и изменчива жизнь. В ней, как и в травах, есть и яд, и благодать. Животворных сил, лекарства природы всё же было больше. Был и подножный корм, вкушались и конфетки. Жизнь состоялась добрым травостоем. Я не сорняк. Сорняк не я.

На седьмом десятке я ещё топчу траву, но уже мало хожу в лес, свою родную растительную среду. Она сама придвинулась в поля, огороды, подтянулась под стены пустующих изб в исчезающих деревеньках. Это боль! Лес без людей – просто лес. Древесная растительность. Людям лес – дар Божий. Любящим людям – сам Бог!

* * *

На седьмом десятке я не выхожу на охоту. Жалость? Пересмотр ценностей? Не знаю... Иней. Озноб жизни. Но мне хватает памяти. Благодарности полон, что многое было. Состоялось. Лес и охота – братец и сестрица. Я их и друг, и родственник. Память о них остаётся нетленна. Любовь непреходяща. Непомятая трава памяти и любви. Зелёная.

- 1 Ляга – лужа или просто сырое место, болотина.
- 2 Оводное – время с кусающими насекомыми – оводом.
- 3 Чищенина – расчистка в лесу для заготовки сена.

Под знаком большой медведицы

Нет, это не ошибка, что слова «большая медведица» в заглавии написаны с маленькой буквы. Наша речь не о звёздном августовском небе, а об одном летнем дне в лесу со многими сопутствующими прелестями.

Сосед осени – август с самого своего начала приятной прохладой перекрыл изнуряющую июльскую жару, утихомирил кровососущее племя двукрылых, настроил на грибную охоту. В жару да сушь какие грибы?! А тут и дождик добротнo окропил землю; в лесу сделалось прохово¹ и благодатно. Зобеньку в руку под ягоду-замарайку – чернику, за плечи пестерь² под более солидный грибной груз, и понесли ноги туда, где люди меньше ходят, а то и вовсе не бывают. Кому интересно наткаться на теребленный ягодный куст, резанные останки грибов, разбитый рябчинный выводок... Всегда хочется лесной девственности и на ягодных палестинках (по Пришвину – богатое ягодное место), и на грибных плантациях, и в вылазках с ружьём.

Ведунья-память привела к давно примеченной куртинке³ черничника. Это что же такое?! Кустарничек примят, листья ошипаны, крупные да сочные ягоды лишь отдельными сиротливыми бусинками синеют из этого разбоя и разгрома. В голове ревниво ворохнулось: «Упредили тебя какие-то ягодники с комбайнами». Но мысль не получила продолжения. Лесу за деревней у-у-у сколько, а жителя настолько мало, что набрести кому-то на этот куст – было бы невероятным случаем. Как выиграть в лотерее главный приз. Тут и затопь примечаться стала тяжёлая, нечеловеческая. Явно медведь жировал на черничнике.

Лесного жителя ревновать не приходится. Люди друг перед дружкой ягод на кусте не берегут, а на такого солидного сборщика, как медведь, и вовсе не попеняешь. Ладно, таких кустов, усыпанных ягодой, в лесу много, пойду к другому. Вскоре натолкнулся на конкретное и довольно свежее доказательство присутствия неподалёку косолапого конкурента, его, выразимся по-научному, экскременты. Дюжая куча вызывала уважение к её хозяйке; или хозяину? Признаков присутствия медвежат не наблюдалось, и по всему видно, что ягоду здесь берёт Сам.

Иметь в душе охотничью струнку и отступать – неприлично. Продвигаюсь от одного кустика ягод к другому и постоянно натываюсь на медвежьи метки: разрытая кочка, завернутый дёрн (гумно – охотники называют), разбитая в труху валежина и опять эта черничная куча. Как горка сажи насыпа-

на. Ну очень свежая! «Кхе-кхе...» – специально покашливаю негромко, нарочно наступаю на сучки. Не нужна тишина – не на охоте. Не нужна близкая и неожиданная для обоих, меня и медведя, встреча. Не пугаю зверя ни криком, ни свистом, а только лёгкими шумами предупреждаю: «Возьми в сторону, зверь, человек идёт». Был бы курителем, достаточно было пустить сигаретного дымка. Уверен, что медведь слышал меня, а может, и видел. Надеюсь, оценил деликатное человеческое поведение.

Хотя... хотя у зверей всё наоборот. Тот же разомлевший от сытости и жары медведь выдерживает выстрел по рябчику рядом со своей лёжкой-ямкой; но он же мгновенно слиняет, услышав треск сучка за сотни метров, а тем паче перехватив струю воздуха от охотника. Они изумительно чётко фильтруют степень опасности для своей шкуры.

Бывали в лесных скитаниях встречи с медведями накоротке, на достаточно неприятном расстоянии. Не на охоте, нет. Охотничьи истории – особые воспоминания. Если сказать, что встречи те с хозяевами тайги вызывают только добрую память, значит, сказать, мягко говоря, неправду. Память цепко держит от этих встреч неприятное учащённое сердцебиение.

Так и ходил день: то теребил ягоды испачканными руками, словно у школьника, пролившего чернильницу, то с грибным ножичком спешил к буро-шоколадной или красной шляпке гриба. Встречались в основном белые и красики-подосиновики. На соленье грибы ещё не подошли.

Как-то, подняв глаза от «полу», невольно замер. Немного сбоку стоял на дыбках медведь с полусогнутыми передними лапами, с насторожёнными круглыми ушами. «Бог ты мой, набрёл всё-таки!» И тут же другая, успокоительная, мысль: «Выскيريا не видел в лесу, что ли?!» Думы о медведях сказочным образом превратили задранное кверху корневище упавшего дерева в живого зверя. Когда прошёл несколько шагов и опять поглядел в ту сторону, то не увидел ничего похожего ни на медведя, ни... на корневище. Может, взаправду медведь был? Ну и пусть.

Знаковый медвежий день на этом ещё не закончился. При подходе к деревне пришлось пересечь скромный пахотный загончик с мелким зелёным овсом. Охотоведы утверждают, что сеют такие площадки для подкормки медведей и кабанов (пора в свой штат агронома включать, право). Но они же сами караулят здесь зверя ночи напролёт и везут гостей-охотников. Не подкормка получается, а приманка.

К своему удивлению, я заметил, что кромка незрелого посева уже уложена зверем. Тут была большая медведица. Рядом с «шапочными» отпечатками на влажной почве проступали умиленные подошвочки малышей. Эх, медведки, питались бы вы ягодой! Эвон её сколько! За малиной, черникой и голубикой подойдут брусника, журавлика, рябина. Но не подскажешь вольному зверю. Не остановишь и человека в погоне за медвежьим трофеем. А как бы хотелось, чтобы всегда было, где брать грибы и ягоды, всегда был лес со своим хозяином – медведем. Не только для охотки грибников, ягодников, разных туристов и бдительности пастухов. Просто лес без медведя, как река без рыбы, улей без пчёл, дом без людей. Да и лес ли это будет?!

А как же не отметить одну из встреч на болоте! Однажды пришлось быть проводником для двоих ягодников из райцентра. С нами напросилась ещё пара местных женщин. Кажется, на «уазике» гостей значительно сократили путь до уже упомянутого Сидоровского болота. Как обычно, по прямому маршруту вывел компанию на край болота, и азартные сборщики и сборщицы тут же рассыпались по мелкому редкостойному сосняку с корявыми кронами. Сам пристроился на опушке, где виднелись в осоке хотя и редкие, но крупные ягоды. Трава не позволяла использовать жестяной комбайн, поэтому встал на колени и по старинке (последние три десятка лет все ходят за клюквой, брусникой, черникой с «черпалками») начал свой неторопливый сбор. Задорно застучали клюквины о дно зобеньки⁴.

По кромке болота шла хорошо натоптанная медвежья тропа, около которой и устроился сам по-медвежьи. Звериный «тракт» не вызвал никаких эмоций или опасений. Был уже ясный день, да и бояться всякого медвежьего следа – в лес не ходить. Однако звери, то ли по своим нуждам, то ли потревоженные разбежавшимися ягодниками, встали на свою тропу и вплотную наткнулись на притихшего, слившегося со мхом и осокой сборщика.

Сзади «пышкнуло». Знакомо так «пышкнуло» (фыркнуло), когда крупный зверь неожиданно натывается на свежий след, запах человека или его самого. Приходилось слышать эти звуки, вызванные недовольством зверя. И я растерянно дёрнулся, оглянулся и в десятке шагов от себя увидел цепочку стоящих друг за другом медведей. По бесшумному моховому покрову звери неожиданно для себя и человека подошли много ближе, чем всем, наверное, хотелось бы. Орудовал бы я комбайном, заслонка у которого позвякивает, на-

верняка услышали бы хозяева леса и свернули в сторону. Но подошли, наткнулись... Впереди стояла медведица, а за ней явно парочка пестунов-намятышей, не уступающих мамаше в размерах. Что говорить, солидная компания! Более того: медведица рванулась вперёд, привстала передо мной на задние лапы, опустила, резко шлёпнув передними о грунт. Была б твёрдая земля, шлепок получился бы весьма звучным. Попробуйте-ка плашмя ударить двумя разделочными досками по земле! После этого предупреждения медвежья мамаша развернулась и, лоснясь шкурой, окатно запереваливалась за своими сынками, уже утекавшими тропой туда, откуда пришли.

Во время этой предупреждающей атаки я уже встал на ноги, инстинктивно стащил с головы кепочку и поднял вверх. Угрожающему зверю (и человеку) надо показаться выше, сильнее. Мысли бежать не было. Это могло бы спровоцировать зверя на преследование вдогонку с тяжёлыми последствиями. К тому же бегать в то время я уже не мог. Схлопотанный парез ноги после таёжного (клещевого) энцефалита в 1989 году позволял только хромую и неспешную ходьбу. И как убежишь от медведя по болоту, когда он догоняет скачущую лошадь?! Да, висел на поясе небольшой ножичек. Был на всякий случай... батожок вырезать. Но не та была ситуация, чтобы доставать его из ножен. Я тянул вверх кепочку и кричал на набегающего зверя:

– Куда ты! Куда ты!

Это было. Компаньоны потом при встрече сразу спросили:

– На кого там кричал-то? На кабанов, что ли?

Встреча с медвежьим семейством на этом ещё не закончилась. На этой, уже испуганной ноте... нет, не закончилась. Медведица отбежала метров на тридцать и, несмотря на то что её взрослые детки были уже далеко, развернулась и вновь помчалась на меня. Честно сказать, теперь вот, в воспоминаниях, надо отказаться как от излишней бравады, так и от скромности. «Сомнёт сейчас!» – подумалось. Серьёзно так подумалось. Волна холода, которую можно назвать подступающим страхом, плеснула под одежду и куда-то глубже.

Всё повторилось. Я снова кричал и тщедушно тянул вверх судорожно сжатую шапочку. Всё-таки появилось нечто и новое. Испуг? Страх? Ужас? Пожалуй, только первое: контролировать ситуацию удавалось. Медведица добежала до прежней черты, опять шлёпнула передними лапами, серьёзно сказала: «Пши-и-фх», – и покатила обратно. Убежала.

Надо было продолжать главное дело – сбор журавлики. Честно сказать, руки подрагивали. После моего рассказа о медведях на выходе с болота женщины встали в середину нашей ватажки и держались своего места весь обратный путь.

Можно, конечно, задать вопрос: «Охотник! Почему же без ружья?» Ну, во-первых, ружьё – лишний груз. Во-вторых, отвлекает от главного дела – сбора ягод. Изменять охоте какими-то ягодами?! Сознаемся: ягоды – дело неотвратное, конечно, но и не совсем приятное из-за своего однообразия, однотонности. Бродить с ружьишком куда приятнее.

* * *

В тот раз ружьё было. Ружьё. Собачки были: Гончак Алтай и хитрющая полукровка Добычка. Собачки. Задачу поставил перед собой лёгкую, не отягощённую строгостью планов. Зайчика поднимем, так погоняем; не сподобимся охотой, так клюквы наберу. Зашёл в рукав Малахова болота по прямой, вне просек, дорог и тропинок, не возбудив лес ни гоним, ни выстрелом. Повесил рюкзак на сосенку и принялся осваивать запасной вариант – собирать клюкву разлива позднего сентября. Мои четвероногие спутники устроились тут же и вылежали весь день на моховых кочках.

На вечеру, крякнув под тяжестью мешка, опять же по прямой двинул к дороге. Лес на выбранном пути состоял из спелого березняка и осинника. По рассказам прежних людей (бывлых поколений), раньше был тут дремучий ельник. В 1930-х годах прошёл ряд сильных пожаров, породивших после себя лиственные породы на больших площадях. По такому однородному выделу идти скучновато, но довольно удобно. Дошёл до граничной просеки гослесфонда с колхозными лесами, и тут мои гончие взревели. Подумалось ещё в сердцах: «Весь день вылежали, а к ночи гон устроили!» Но ещё оставалось минут двадцать света. Оставалось...

Скинул мешок на просеке и начал продвигаться к месту подъёма дичи... зайца, скорее всего. А гон, такой дружный и жаркий, удалялся в том направлении, куда и самому предстояло двигаться. Не забрать ли груз и не идти ли вслед? Но нет. После краткой перемолчки (перерыва) гон снова вскипел и варом повалил обратно. Встал, где березняк пореже, притих и затаил в себе извечную охотничью надежду на встречу с дичью. Но не моя была эта случайная краткая охота... Нет, не моя. Идя в лес, не следует поддаваться

желанию «куда вывезет». Гонного зверька не удалось перевидеть, но гон завихрился вблизи на малых кругах, и надежда ещё оставалась. Надежда. Вдруг монотонное «ав! ав!» гончих оборвалось на испуганном полувзбрехе, полувзрёве и всё стихло. Тишина.

Боковым зрением перевидел мелькнувший силуэт то ли собаки, то ли?.. Всё стало понятно, и я тут же разрядил стволы дуплетом в надвинувшийся полусумрак. Потом ещё и ещё... Стрелял в небо, кричал в лес и всё кружил, кружил там, где оборвались голоса моих собачек. Лес стоял в немоте. Было ясно, что гончие навалились на волков. Вернее, те сами охотились за ними, привлечённые азартным гоним. В это время родители как раз обучают выросших волчат приёмам охоты. Я кружил и кружил до полной темноты, чтобы найти хоть какой-то след: примятое место схватки, шерсть, кровь. Кружил, стрелял, кричал, но всё тщетно.

Посветил спичкой на компас с фосфорной стрелкой, сходил за рюкзаком и с мокрыми глазами потянул печальный след к дороге. «Потерял, двух собак зараз потерял... Как же так-то!» Но всё-таки теплилась ещё смутная надежда где-то там, в глубине сознания. Таилась. «Может, сбежали с испуга?» – лелеял я мысль о благополучном исходе и хранил её, словно огонёк последней спички. Торная дорога не прибавила настроения. Тут неожиданно вывернулась из-за поворота жена с фонариком. Встречает. (О мобильной связи в то время ещё не было и речи, но и на исходе двух десятков лет второго тысячелетия связь в лесу далеко не везде.) Обеспокоились дома. Неожиданно и приятно, конечно, но первый свой возглас был о собаках:

– Не встретила?

– Нет, никого не видела.

«Всё! Стравил собак!» – казнил я себя и утверждался в непреклонном желании вернуться завтра на это место и окончательно всё прояснить.

В деревне, открыв калитку на свой двор, видим: лежат собачки на лужайке и гонами (хвостами) по земле приветственно хлопают. Но не подходят, чувствуя за собой некоторую вину. В радостях я обласкал их. Конечно же, они испугались, вплотную столкнувшись со своими лесными родственниками, видимо, с молодёжью. Да и хозяин не растерялся, стрельбой и криками не дал состояться волчьему ужину. Но каким путём бежали собаки к дому – остаётся загадкой. Ведь хозяйка их не встретила. Четыре версты махнули с испуга по прямой, ещё и через реку!

* * *

Там, где постоянно ходил в свой болотный рукав по компасу или солнцу, протесал впоследствии визирку⁵. Теперь уж порядочно лет прошло, как не пятнал там следов. Надо бы подновить затёски на тропе, может, пригодится кому-нибудь.

А осени всё проходят мимо. Года. На наши болота есть разные заходы: тропы, просеки, а нынче заезжают на вездеходах (каракатах) и без стеснения и совести полосуют болотные мхи и ягодники.

Хочется упомянуть один путь на Мурашевское болото (чисть), который назывался «Через Грядки». Это была самая дальняя тропа на Мурашевскую чисть. Самые дальние и трудные ягоды, значит, самые «сладкие»! Объёмное это болото рождает речку Подкустовную, левый приток реки Уфтьюги. В Подкустовную же с левой руки впадает ручей с говорящим названием Старческий. Около него тропа проходила через мало заметные бугорки, бывшие в давности действительно огородными грядами. По преданию, жили здесь в глуши некие старцы, староверы, избегая новых веяний в вере. Верховская сторона Тарногского района почти до конца XX века имела старообрядческий характер веры.

* * *

Много чего связано у людей и автора этих воспоминаний с болотами и ягодами. Наиболее сильный пресс сборщиков приходится на самое близкое и доступное Малахово болото. Немало осталось во мхах этого болота бутылок стеклянных и пластмассовых, разбросано целлофановых пакетов и прочего мусора. Теперь мало в деревнях людей и меньше пеших следов на болотах. Но всё больше трудно заживляемых «ран» от колёс вездеходов. Эти следы ещё аукнутся. Кстати заметить: Малахову болоту угрожала в 1980-е годы очень серьёзная опасность. Как-то во время весеннего наста приехали топографы и расчертили, распланировали болото под осушение, чтобы добывать торф. Слава богу, эти дикие планы не состоялись. Болота для людей, птиц и зверей – кормильцы, для рек – поильцы. Сохранить болота – сохранить себя!

Ягоды жизни

Разговоры земляков часто поднимают эту тему. Кто-то с планами на лето и ноткой озабоченности рассуждает:

– Будут, нет ли сей год ягоды?

Если дело происходит в мае или июне, то высказываются и конкретнее:

– Говорят, цвета много... заморозка не было бы только.

– Небольшой-то минус в лесу не тронет...

Насущная тема, жизненная, ведь суть не в том, чтобы запастись вкусными витаминчиками, а заработать.

«Для поддержки штанов», – шутят с перечной горечью те, кто ещё может воспользоваться этим богатством наших лесов и болот. Те немногие из опустелых деревень, кого ещё носят ноги. Ну и ходячие пенсионеры не прочь нагнуться за копеечкой, то бишь за ягодкой. Пенсия умереть не даёт, но и красиво жить не позволяет. Вкусного покупного много не схватишь! Вспомним свои ягоды жизни: сладкие и с кислинкой; горчинкой и даже солёные от трудового пота.

Начнём копошиться память с самой, пожалуй, уважаемой ягоды – клюквы, а по-нашенскому – журавлики.

Насколько помнится, клюкву всегда кто-нибудь заготавливал, то есть принимал собранную от населения ягоду за деньги. Помнится, и цена в 30-40 копеек за килограмм. Лесную охрану также, было такое, обязывали заготавливать журавлику. К себе домой были завезены весы и деревянные ящики, изготовленные в столярке лесхоза.

Одна женщина из деревни автора работала продавцом, и однажды у неё при ревизии обнаружили недостачу, или, как у нас говорят, – «насидела». Вот ей и пришлось, бедной (или наоборот?), целый месяц ходить на болото за ягодой, чтобы восполнить ущерб, нанесённый сельской потребкооперации (сельпо).

Надо сказать, наши клюквенные болота находятся за речкой, которая нередко вслучивает свои осенние воды до преодоления. Так вот, однажды видели эту женщину тёмным холодным вечером с наполненной журавликой котомкой, переплывающей реку на бревне с керосиновым фонарём «летучая мышь». Плоские фонарики тогда уже были, да батарейки к ним редко поступали.

Позволить себе сходить за ягодами могли только, как их раньше иронично прозывали колхозники, «интеллигенция», то есть не работающие в колхозе жители. Самых колхозников просто не отпускали, так как работы в полях до самого снега

было неборимо. Хорошо, если один денёк удавалось вырвать и принести журавлики для своей семьи. Со временем стало попроще: бригадиров стали игнорировать, да и техника позволяла скорее управиться с полевыми работами.

Как-то мы с шурином решили подзаработать на ягодах и купить себе по хорошему ружью. Мечталось тогда о двустволках-вертикалках. Ушли на дальнее Сидоровское болото к ночам. Обустроили лежаки из хвои, заготовили брёвна из сухостоя для ноды около дороги, чтобы потом забрать на тракторе свою ягодную добычу. От утолки ходили на болото по диагонали квартала по компасу. Затягивало, бывало, до темноты, но выходили точно к табору, ещё на подходе чужа запах тлеющей ноды. Лес на пути был старый, пол чистый для ходьбы, без густого подроста и бурелома. «Грядой» называют такие места охотники. Ночевали пару ночей. Ягоды попались крупные: одни формой как репка-галанка (брюква) – приплюснутые и широкие; другие – овалом вытянутые.

Набрали по мешку, два ли, оставили под ёлкой и вышли в деревню за продуктами. Крепкое желание вернуться не состоялось: меня вызвало начальство (в то время был связан службой в лесхозе). Мешки с ягодами напарник вывез, и сбор этот ушёл на разные хозяйственные нужды. Осталось и себе на морс или, как говорят, «от угара». (Якобы угоревшему человеку следует положить по ягоде в уши.)

Мечта о новом и модном ружье так и не состоялась. Теперь, с горы прожитых лет (а может, с подножия горы?), желание молодецких лет перевооружиться представляется вовсе не существенным. Прихотью видится. Нынешние зрелые годы вызывают только усмешку над наивными мечтами молодости. Не заливаются старость слезами жалости о несостоявшихся закидонах (замахах) в приобретении вещей. Прекрасно отохотился с двустволкой горизонталкой. Шурин Василий всё-таки съездил в города (ружья были в дефиците), нашёл и купил ИЖ-27. Стрельнуть приходилось не раз из этой вертикалки, а одно время ружьё даже хранилось в моём сейфе. Достаточно...

С болотами и клюквенным сбором связано немало историй. И блуждали ягодники, и ночевать некоторым приходилось среди мхов и сырости в осеннюю пору. Одна женщина заблудилась и провела ночь в тех условиях. Потом хвастается:

– Больше уж не заблужусь: компас купила!

А сама не знает, с какой стороны света зайдёт на болото и в какую нужно возвращаться...

В добрую погоду на болоте не только хорошо, а

любо и радостно. Когда солнышко пригревает, глаза, оторвавшись от кочки, любуются осенним разноцветьем опушек... Привольно и отраднo! В последние годы, правда, обильно плодятся и досаждают «вши» (оленьи мухи), довольно кусачие и неприятные насекомые. Как раз их «рои» встречаются чаще там, где ивняк и сосенки мелкие – на кромках болотных. Где лоси живут, кормятся. А вот в непогоду на болоте далеко не рай.

Приехал ко мне двоюродник из райцентра набрать ягодок для себя. Дождь зарядил с утра, но гостя это не смутило. Родственник мой – человек хозяйственный, домовитый, где-то, кажется, скуповатый, и ехать за полсотни вёрст «киселя хлебать» да без приправы клюквиной – не в его характере. Взяли плёнки, чтобы накинуть на плечи, и пошли. Сколько-то собрали, а холодный дождь не унимался. В сапогах захлюпало. Не пропадать же на болоте! Наломал я сухих сосенок, ножом настрогал щепок из смолистой древесины (смолины) и спичкой из завёрнутого в целлофановый пакет коробка добыл огонь. Костёр вскоре спасительно пылал, а мы благодарно крутились около, пытаюсь подсушиться и согреть окоченевшие руки. Свои ягоды, конечно, были подарены двоюроднику. Выход тот болотный не прошёл без последствий: я получил обострение остеохондроза. Сбор ягод вообще находится в конфликте с поясницей.

* * *

Мы вспоминаем чернику, помним и о чернилах, когда ещё писали перьевыми ручками. Чернят и те и другие. Действительно, сборщика черники сразу разгадаешь по перепачканным ладошкам. А ещё утверждают и тут же опровергают разные специалисты, что черника положительно влияет на зрение. Как бы ни было, а у тетеревиных птиц, любителей чернички – рябчиков, тетеревов, глухарей – зрение отменное. Охотники-то уж это знают!

Черника – важная статья доходов деревенских жителей, лишившихся колхозных заработков и подвизающихся только на частных базах переработки древесины. Но, к примеру, в 2018 г. черника не уродилась вовсе. Прошлись мы с супругой в одно недалёкое памятное место, и на рослом черничнике я обнаружил всего единственную крохотную ягодку. Крохотулечку! Подарил её спутнице. Года вкус! Хотя ягодники с крепкими ногами видали якобы в лесах отдалённых экскременты медведя с явными признаками поедания черники. Этакие чернильные «лепёшки». Кстати, в тот год не было и брусники. И клюква не

порадовала урожаем.

*Как без ягод быть здоровым?
Это слишком уж сурово!*

Что ж, бывало! Год на год не приходит. (Добавим комментарий: неурожай повторился и в 2019 г.)

Голубика со странным научным прозвищем гонобобель... опять же жительница болот-кормильцев. Их закрайков. Непонятно почему, но эта заслуживающая уважения ягода не пользуется такой популярностью, как иные ягоды. Голубику не принимают за плату, и ходок за ней немного.

В пору молодецких сил и здоровья подрабатывали мы с земляком из своей деревни на заготовке дров для сельсоветской кочегарки.

Спиливали на угорах и в перелесках, намеченных под корчёвку для расширения полей, сосны и ели, разделявали на чурки, кололи их и складывали поленья в виде длинных и увесистых чурбанов – для кочегарки же! – в поленицы двухметровой высоты. Так было удобнее обмерять наш труд председателю сельсовета (в то время работала им женщина) и вывезить продукцию.

Надо отметить факт заботы Советского государства в те годы о северной деревне (1980-е), как тогда говорили, – «зоне рискованного земледелия». В ходу была программа «Подъём Нечерноземья». В нашей Верховской местности (волости) существовала бригада ПМК (Передвижная механизированная колонна). Их техника вывозила на поля торф и навоз, выравнивала контуры полей, убирая кустарники и деревья. Вот такие заросшие участки, предназначенные под корчёвку, мы и пытались «урвать» на дрова, преследуя здравую хозяйственную цель: древесину с пользой в дело пустить и самим подзаработать, чтоб «штаны не спадали». Сами «пээмковцы», как их называли, поступали с нестройной древесиной весьма категорично: свозили всё в кучи, обливали соляркой и сжигали или «прятали» в овраг.

Эта подработка, честно сказать, не была лёгкой. Занимались мы этим делом в летнее время, помимо сенокоса, конечно. В тот жизненный период автор этих незамысловатых записок имел перерыв в лесхозовской деятельности и подвизался на колхозных работах. Был «вольным» колхозником. Хвойные суковатые чурки были тяжелы и неподатливы для колки. Запрешие в тепле и соках лета и насквозь (по-местному – наскрозь) пронизанные толстыми смолистыми (смоливыми) сучьями.

Помимо увесистых колунов приходилось приносить и железные клинья с кувалдой. Но мы бы-

ли молоды. При здоровье ещё были. Привлекали свобода, отсутствие начальников, норм и обязательств. Воля привлекала! Ну и заработок: за один складочный кубометр сельсовет платил 3 руб. 80 коп. Сотню-другую на молодца можно было положить в карман за месяц (механизаторы колхозные меньше зарабатывали). К тому же отвлекались на рыбалку, на ягоды...

Да, ягоды!

Голубика. Мой напарник того сезона по заготовке дров Славик сходил как-то на болото и порадовал урожаем голубики. И мы, «вольные дровосеки», на следующий же день с большими ведрами поспешили на Малахово болото...

Гонобобель называют ещё «винной ягодой». Не виноград эта наша северная ягода, но действительно долго не хранится и забродит сама по себе. Однажды была поставлена бутылка с голубичным «рассолом» для изготовления домашнего вина. То ли не было накоплено соответствующих знаний, то ли не снизошёл для достойного и достаточного устремления и внимания, то ли сахара в хозяйстве для усиления процесса брожения не оказалось, но напиток не получился. Скис. Не получился из меня винодел.

А вот помещики до отмены крепостного права готовили вина и настойки из ягод и фруктов с названиями на все буквы алфавита. Скажем, на букву А – алыча, абрикос... на Я – из яблок...

Мы (себя имею в виду) не виноделы.

* * *

Вернёмся опять к болотам, а вернее, к приболоткам, субболоткам, полуболотам, туда, где растёт морошка.

Школьное летнее детство – колхозное детство. Рабочее. Лошадиное, потому как многие работы были связаны с лошадьми. Наиболее памяты поездки на «дальние сена», где косила бригада колхозников. Действительно – дальние, так как находились в десятках километров от деревни, в самых верховьях нашей реки Уфтюги. Косцы там жили весь сенокос: в урочище Четвертуха в избушке, а в Лаповке отдыхали в низких (только для лежания) рубленых шалашах. Продукты для них доставлялись раз в пятidineвку, а завозом занимались школьники. Так, на Четвертуху проезжали на конных телегах, а до Лаповки только на верховых (вершних). Эти «экспедиции» сопровождались разными приключениями, зачастую весьма опасными. Да и возницам-то было примерно лет по четырнадцать.

Нам всегда хотелось как можно дольше побыть с мужиками, угоститься ухой, послушать разговоры, почувствовать себя сопричастными с нелёгким, но важным и значимым трудом – сенокосной страдой вдаль от обычной жизни. Если бригадир попадался не строгий, то мы к большой своей радости принимали приглашение заночевать. Возвращались на другой день не спеша, вдоволь лакомясь на попутных болотинах морошкой.

Были в нашей семье сенокосы в Хмелёвках. Ручей Хмелёвка как раз истекал из скромного болота Ратне (Ратневское). Несмотря на покосный напряг и нехватку времени, мы находили уповод (краткий промежуток времени), чтобы напрямки сбегать на болотце за морошкой. Даже, бывало, в неурожайные годы набирали 3-литровый бидончик маленьких «солнышек».

В какой-то год, ещё в пору существования колхозов в Верховье, случился обильный урожай морошки. «При чём тут колхозы, – спросите вы, – если морошка растёт на болотах?» Молву о морошковом богатстве распространил один из колхозников, побывавший на болоте, – Николай-безрукий. Он действительно потерял руку в молотилке ещё в детстве, но довольно уверенно справлялся со всеми деревенскими физическими задачами. Трудился на разных колхозных и домашних работах с косой, граблями и вилами; с топором, ручной пилой и прочим инвентарём. В делянке не хуже двуруких управлялся с пёхалом (длинный шест с железной рогоулькой на конце), подвизаясь помощником вальщика. Кстати, Николай ходил и за клюквой, набирая ношу одной рукой. Впрочем, сам пытаюсь теревить ягоды двумя руками, замечал вскоре, что работает одна. Вот женщины – другое дело, особенно доярки. Может, сказывалась доильная практика? А ещё, у себя приметил, к ягодам тянется активнее левая рука, хотя пишу правой.

Кстати сказать, таких одноруких примеров встречалось немало. В нашей деревне жил Фёдор Матвеевич, потерявший руку на войне. Так он нарубил лесу в отдалённом лесном участке, вывез и в одиночку срубил избу. Разве что брёвна на стены помогали закатывать, всего лишь. Вспоминаются лесники межколхозного лесхоза первого поколения (лесхоз был образован в 1969 г.), уже пожилые и некоторые также с одной рукой. В работах с топором они не уступали полномощным (в силе и здоровье) работникам.

Так вот, наш Николай проговорился об урожайной морошковой палестинке колхозному начальству, а оно похвасталось районному. Районные специалисты это запомнили и на следующий год

напросились, чтобы их сводили на болото за морошкой. Председатель обратился к автору этих строк за услугами проводника. Увещевания в том, что добрые урожаи подряд из года в год не случаются, во внимание никто не принял.

Ягодницы приехали в июльский день на двух «узиках».

Подъехали сколько могли. Пошли.

На искомое место надо было перейти болотный рукав, относительно сухой, но кочковатый. Прошлогоднего урожая морошки не было, но если покружить, то каждой из компании по литру-другому можно было набрать. Но день выдался знойным с пахучими болотными запахами и массой агрессивных оводов (паутов). Мои ягодницы запросились обратно:

– Мы лучше в лесу черники поберём...

Пошли к выходу с болота на лесную тропу. На кромке болота с лесом обычно бывает сыро и вязко. Уже вымотавшиеся ягодницы с трудом дотянули до сухого места. На чернику и зариться не стали! Перекусили, угостили проводника стопочкой и поспешили к машинам. Хлопнули дверцами и поехали в «цивилизацию». Без морошки.

* * *

Земляника – лета и природы аромат, прелестница вкуса! Самая желанная ягода! Для себя.

В пору многолюдной и кипучей жизни сенокосов не хватало. Люди вынуждены были вести расчистки. Один раз дров нарубят, другой на этом месте, а потом и «тюкают» косой между пеньков, каждый год расширяя этот лесной покос.

У некоторых хозяев расчистки эти имели весьма значительные площади – гектары! Такие «чищенины», располагаясь преимущественно не в лесных площадях, не наносили вреда лесному хозяйству. В то же время придавали мозаичность угодьям и особый колорит, способствуя распространению многих видов дичи. На таких местах хорошо росла земляника, и существовало даже некоторое соперничество и недовольство в том, что кто-то другой заходил на ягодную палестинку, уносил ягоды да ещё траву мял, вытаптывал. Земляника краснела (созревала) ещё до сенокоса. Почему автор пишет в прошедшем времени? А было всё это в былом! Все сенокосные чищенины вновь полонил лес – энергичная молодая древесная поросль.

Но, о землянике!

Было. Вынырнул из-под хвойных лап на солнечную полянку, словно из полусумрака сеней попал в горницу-светёлку. Трава на поляне обильно ок-

роплена красным, как будто по ней пробежал тяжело раненный в грудь зверь. Земляника! С чувством радостного удовлетворения опустился на колени за лесным деликатесом.

Вечером заглянул на картофельный участок. Видел утром, как сосед сосредоточенно бродит по рядкам с баночкой в руках. Беспокойство оказалось ненапрясным. В глазах опять зарябило от красного, но теперь уже от личинок колорадского жука. Совсем недавно с восхищением оглядывал вкуснейшие, ароматнейшие красные бусинки ягод, а теперь перед глазами такого же цвета картофельные вредители, которые не нужны ни птицам, ни каким-то насекомым. Нет на них врагов-пожирателей.

В душе какое-то раздвоение. Глаза привыкли к ягодам и с той же настойчивостью «липнут» к красно-оранжевым мягкотелым личинкам на листьях картофельной ботвы. Но вместо радости – брезгливость, взамен удовлетворения – беспокойство за урожай. Ах, как тесно всё переплетено в нашем мире!..

Хороший земляничный урожай случается на некоторых вырубках через 2-3 года после «жатвы» древостоя (рубки леса).

Как-то мы, колхозные лесники, проводили на такой вырубке уход за культурами (посадками) и буквально объелись крупной, сочной и сладкой земляникой. Рассказали о своём ягодном «пире» главному лесничему, и тот на следующий год приехал на эту вырубку за земляникой. Но, как уже говорилось, год на год не приходится: не уродилась земляничка-то...

Родина своя подарила и такую ягоду с красивым, романтичным названием как княженика. Есть у этой ягоды и другое, простоватое и грубоватое «имя» – хохлуша. Много княженики не бывает, и специально собирают её редко. Иногда можно натолкнуться на палестинку, и не только полакомиться княженикой, но и набрать её на баночку варенья. Вкуснятина!

Вспоминается, кстати, ещё одно вкусное варенье, достаточно экзотичное для северян. Один раз удалось попробовать десятки лет назад, но лакомство сие запомнилось. Известно, что ботаники считают арбуз ягодой. Во время службы в армии (1973–75 годы) одному сослуживцу родом из южной республики или же тёплой области прислали варенье из арбузной мякоти, порезанной кубиками. Вот и запомнились эти кусочки, тающие во рту. Ведь жителей северных деревень того времени торговля даже яблоками не баловала, а не то что арбузами...

* * *

Не оставим без внимания такую ягоду, как костяника или костеника. Нет-нет да и сбрусьешь красную гроздочку этих ягод и отправишь по назначению. Не сладко, но съедобно ...

– Доктор! Спасите, страшная боль в желудке!

– Что-нибудь съели?

– Да, ягоды в лесу.

– Какие?

– Ой, я не разглядела.

– Тогда вам не ко мне, а к окулисту.

Толокнянка – «медвежья» ягода. Черника, брусника, клюква – обычная пища медведя, понятное дело. На овсяном поле, идя к лабазу (засидке), видишь «горки» из клюквы, пропущенные через звериный организм. Право, хоть подбирай в зобеньку для своего употребления, сполосни только. Придя на болото, видишь кучки медвежьего помёта из чистого овса. Разнообразить своё меню хочется и зверю. Но мелкой-мелкой толокнянкой медведю никак не удовлетворить своего аппетита, да и прозвание медвежьей она получила совершенно по другой причине (игра языковых переводов). А вот боровая дичь активно склёвывает толокнянку. Эти скромные ягодки, а точнее, ягодообразные костянки с мучнистым привкусом – тоже подарок нашей природы.

* * *

Медведи! Такова первая ассоциация, если вспоминаешь малину. Нет, не забыта ягода малина, что к себе манила. Но не припоминается ничего более или менее значительного, связанного с этой ягодой. Ну, уважаю эту ягоду, ну, собирал... Наслышан о встречах с медведями в малинниках, но сам ни разу не встретил хозяина леса в малиновых зарослях. Ни разу не вздыбился зверь над макушками малинника. Ну и хорошо. Ну и ладно.

Но не всё так просто, так однозначно. Буквально в дни написания этих «малиновых» строк – июль, август 2019 г. – поступают свежие новости. В соседней Доронихе (официально дер. Доронинская) видели следы медведя, оставленные возле одного жилого дома. Прошёл зверь якобы по домашней улочке по-хозяйски. В принципе, вполне возможно. В своё время, когда колхоз сжинал овсяные поля, медведи в поисках любимой зерновой добавки к зимней спячке находились в активном поиске. Случалось наблюдать следы на грязи

прямо в деревне или на отаве по инею. Днём на солнышке эта тяжёлая поступь оттаивала, оставляя значимые, с шапку, чёрные пятна. А однажды медведь посетил пилораму, оставив мокрые следы около рельсов, по которым катают тележки.

Что же эти звери промышляют ныне у жилья? Лесные ягоды в этот год, как и в прошлый, опять не уродились. Правда, обильно плодоносят рябины и черёмухи. Есть и ягода-малина, а сам малинник разросся и по бывшим полям, и по развалинам ферм и телятников, зернотоков и гумен. Но чтобы из леса идти за малиной в деревню?

Просто хиреет в деревнях человеческая жизнь, а природа, известно, пустоты не любит...

А тут ещё дочь позвонила из соседнего Тотемского района, эпизод моей темы преподнесла.

Пошёл тамошний мужик Мишка Зайцев за малиной. С одной стороны малинника ягоду собирает, а с другой – лесной мишка то же самое делает. Встретились. Удивились. Испугались. Разбежались. В противоположные стороны. И зять наблюдал медведя-малинника с вездехода. Солидный, говорит, зверь. Такому немало, пожалуй, надо малинки-то.

Ещё малиновое воспоминание всплыло.

Приглядывали мы, лесоводы, сосновый древостой в колхозном лесу для санитарной рубки на самой границе с Государственным лесным фондом (Гослесфонд), который был уже «сострижен» лесорубами. Вышли на вырубочный простор передохнуть. По краю вырубки уже обильно разросся малинник. Зрелая ягода начала опадать, наполнив собой канавы, колеи и ямки, и ещё не подёрнувшись тленом. Мы просто черпали пригоршнями это годное лакомство и от души насытились. Если хотите, от пуза.

* * *

Велико разнообразие природы, в том числе и ягодное: в цвете, форме, размерах... в названиях. Скажем, шишкоягоды. Растут они на можжевельнике (вересе). Мы обязательно постараемся вспомнить эту очень интересную древесную породу в продолжение ботанических записок. Что же сказать об этих вересовых ягодах, которые в общем-то шишки? Или шишечки, маскирующиеся под ягоды? Нельзя сказать, что они относятся к лакомству в прямом употреблении. А вот как приправа к дичи, к мясу птицы весьма хороши. А ещё можжевельниковые шишкоягоды служат ароматизатором для джина. А хорошо, бывало, пожевать их тихим весенним вечерком в ожидании вальдшнепиной тяги, бродя в окрестностях выбранного места то ли в поисках лосиного рога, то ли сморчка, строчка. Бывало...

* * *

Прошло время, когда всё кругом тянулось к солнцу. Больше, выше, крупнее, зеленее... Пришла пора умиротворённого относительного покоя. Стихли птичьи песенки. Люди и звери живут на ягодах да грибах. Тепло и сытно всем. Хорошо пройтись в августовский денёк по берегу лесной речки, высматривать в кувшинковых заводях уток. Щипать по пути то рубиновые, то эбеновые^б ягоды лесной смородины. Хорошо прилечь в луговую отаву, подставить лицо ещё не скупым, но уже не жгучим лучам светила. Напитанная солнцем земля сродни доброй печке-лежанке. Высоко-высоко редкими белоснежными ладьями плывут куда-то облака по голубому океану лета. Тяжёлыми и тёмными опустятся они потом к земле, наколются на пики елей на слухах и прольются на мир холодной моросью. Но это уже другая страница бытия ...

Увы, в настоящем нигде не видать следов человеческой деятельности. Разумеется, помимо вырубок и мусора. Луга затаило бурьянами в человеческий рост, кустарниками и деревьями. «Ни тропиночки... ни ложбиночки...» Удочки рыбаку с берега не забросить! Дико, но... но убого ли?! Природа в любом виде прекрасна и неотразима.

* * *

Да, любят кусты красной и чёрной смородины склониться над речными или ручейковыми струями... Помимо же кустарников растут ягоды жизни и на деревьях. Разумеется, это черёмуха и рябина в наших условиях. В Северах. Вертится в голове ироничная поговорка: «Жизнь в нашем краю, словно в раю: луку да рябины не переешь и половины». Бывают, конечно, богатые черёмуховые и рябиновые урожаи, но случаются годы и без этих ягод. Побьёт озорным весенним морозцем черёмуховый цвет, и народятся, как говорят, одни «кошели» – пустоцветы.

В детстве мы знали на деревне все черёмухи с самыми сладкими ягодами, которые не набивали оскомину, или, как у нас говорят – не «завалиха».

Как созреет ягода, так и висели на этих деревьях всё свободное время. Вскарabкаться на развилку, развесистую черёмуху цепкому легковесному парнишке не составляло труда. Да и девчонки некоторые мало отставали.

Помнятся майские черёмухи в цвету, этикие белоснежные купола, расставленные повсюду по опушкам полей и наволоков, в деревнях около до-

мов. Это время подготовки к годовым школьным контрольным или экзаменам, когда тёплыми светлыми обморочными вечерами ещё доносились токование самых азартных тетеревов, и свой день рождения (25 мая), и дурманящий запах черёмух вкупе с головокружительным ощущением подступающей большой жизни и любви...

И стоит в палисаднике перед родовым домом черёмуха. (У нас такие небольшие участки, отделяющие переда от деревенской улицы, называются «портнища».) Матушка принесла её кустиком в мои детские непонятки ещё. Помнится только, как сказала, что, мол, издалика принесла, что удивляет до сих пор: неужели не найти было черёмухи за деревней? Дерево раскинулось несколькими стволами, и некоторые отвели уже отпущенные десятилетия. Проросла кругом свежая поросль, как и положено жизни. Мешает эта молодь, а убирать как-то жалко. Старость. Жалость. Память.

С рябиной связанная, следующая зарубка не забывается.

В тот год рябины было много, и чего-то нашло желание немного подзаработать на заготовке этой ягоды. Сушёную рябину какая-то организация принимала (сельпо? аптека? заготконтора?). А желание вполне оправданное: совсем недавно расходы были большие, ведь состоялась собственная свадьба (2 августа 1980 г.). На мотоцикле мы, новоиспечённые молодожёны, выезжали вечерами за деревню. Я забирался на рябины и сбрасывал кисти вниз. К моему удивлению, «молодуха» не проявила интереса к заготовке ягод, остыл и мой азарт. Потом, много позже пришло понимание того, что женщинам обычно надо всего много, сразу и без докучливых хлопот. Потом пришло...

Давно было, до армии ещё, но отпечаталось прочно. Тоже крепкая зарубка. Тем более что это было первое свидание с медведем накоротке. Первая такая память. Лес о том годе был весьма богат на ягоды рябины. Гроздь их обильно украшали кроны, клонили тонкие ветки вниз, так что рука походя сощипывала «северный виноград». Я шёл поймой лесной речки Подкустовной, притока Уфтыги. В то время её скромные наволоки колхоз ещё осваивал сенокосом. Впоследствии бобры перегородили русло речки плотинами, наволоки подтопили, и сенокосы были оставлены. В конце августа – начале сентября скошенные луговинки зеленели отавами – молодыми зелёными травками. Молодой охотник уже знал, что на этих «кошенинах» «пасутся» глухари, и шёл едва заметной тропой в надежде углядеть на изумрудной отаве птичьего «мамонта», а приметил... попутчика. Со-

лидного такого попутчика.

Я догонял медведя, лакомившегося рябиной. Зверь то и дело приподнимался и срывал кисти рябины, чавкал её и шёл дальше. Нам было по пути, но догонять попутчика желания не было, шаги пришлось умерить до длины стопы. Иногда он исчезал из виду, но у очередной рябины вновь себя объявлял. Я забыл про глухарей и всё другое. Живой медвежий образ уже был знаком, но только где-то на просечном горизонте, а вот не так, как будто догонял соседа, идущего на автобусную остановку. На расстоянии короткого выстрела.

У меня была одностволка 16-го калибра, конечно же, перезаряженная пулей: за самым ведь солидным зверем иду. Однако первая мысль, однозначно присущая охотникам, сменилась на интерес наблюдателя. На впечатляющую картину лесной жизни. Тогда в охотнике-наблюдателе была зажжена и разгоралась охотоведческая мечта.

На одном из наволоков медведь свернул к солидной рябине. Оставалось только поражаться тому, как быстро он оказался в раскидистой кроне, ломая попутно прутья. Причём «ягодник» не обращал внимания на то, упадёт ли ветка на землю. Многие из них так и остались висеть полуотломанными или застрявшими. После этого зверь спустился и принялся объедать свои заготовки. Неожиданно потянул лёгкий ветерок и накиннул, видимо, человеческий запах на чуткого зверя. «Рябинник» привстал, заводил мордой... наблюдатель же прижался плотнее к сенной копенке, как будто та могла защитить...

Медведь среагировал мгновенно: пока человек обкатывал мысль «что делать», тот уже перемахнул речку и бугрился своими мышцами на склоне другого берега. Исчез. Под ягодным весом с тихим шорохом упала с рябины одна из веток.

Как-то я устроил небольшой путик из «жёрдочек» для ловли рябчиков. Для приманки нужна была рябина. Когда рябины не было, нанизывал на нитку ягоды клюквы (журавлики) и этим «ожерельем» приманивал рябчиков. На крохотном Зыбучем болотце рассыпал, бывало, клюкву на кочки, чтобы заманить глухаря. С этим не получилось, не позарился.

Рубка черёмух и рябин для сбора ягод, дело понятное, запрещена. Приходилось иногда пресекать эти браконьерские замашки. Чаще пытался ограничиться нравоучительными беседами, когда чувствовалось, что нарушитель идёт навстречу, осознаёт. Но помнится одна упрямая нарушительница, вынудившая составить акт о лесонарушении. Об уничтожении деревьев с ягодами жизни.

Таковы наши ягоды жизни в скромном упомина-

нии. Ягоды жизни для людей, а в первую очередь для птиц и зверей. Черёмуху, рябину, а потом и калинку горькую, ближе к осени, мигом подберут стайки дроздов и прочих пернатых. В лесу не раз приходилось примечать, как под рябины в первозимье, словно «поплакавшие» красными слезами, отпечатывают свои следы лисы, зайцы, куницы, ласки... И более крупные звери уважают рябинку. Очень любят! Для зимы всё сгодится.

* * *

«**П**исать, как и говорить, надо быстро, осмысленно, точно идти в бой», – заметил наш писатель Станислав Мишнёв в своём рассказе «Прошлое не носится». Писатель общероссийского масштаба. Писать, излагать нужно, как в последнюю ночь перед казнью. Не скупясь. Открыто. Время торопит. Бывает, мысли, слова излишне спешат, наскокивают друг на друга, пытаются обогнать, опередить. Часто запинаятся, отстают, прячутся. Вводят автора своей сумятицей в неудобное положение перед читателем. По-всякому случается у «пастуха», понукнувшего «стадо» слов. Таким вот образом, с допуском сумбурности и вызрела моя ягодная ботаника. Вкусная. Деликатесная. Витаминная. Кисло-горько-сладкая. И солёная, потная. Таковы мои некоторые встречи с ягодными полянками, кочками, кустами...

«...Держу на ладони драгоценную ягоду – ключ к воспоминаниям полувековой давности»

(Г.И.Фабрициус).

Я тоже держу. Помню. И разбегающимися из «стада» словами пытаюсь поведать эту память, сдёрнув покрывало десятилетий. А вдруг какой-то любознательный потомок прочтёт и проникнется?

Жизнь каждого человека – это ягода, подаренная Богом. Ни у кого она не бывает только сладко-земляничной. Жизнь имеет привкусы клюквенной кислинки и горечи калины. Моя жизнь-ягода при собственном желании и устремлении цвела и наливалась на природе в лесной и охотничьей среде. Я благодарен Всевышнему, судьбе ли, самому себе ли, что вкусил эту ягоду в превосходной мере.

Примечания

¹ Прохово – прохладно.

² Пестерь – заплечный плетёный берестяной корб.

³ Куртинка, куртина – небольшой отдельный участок древесной или кустарниковой растительности, в данном случае – ягодный куст.

⁴ Зобенка – небольшая корзинка, плотно сплетённая из полосок берёзовой коры – бересты (лыка).

⁵ Визир, визира, визирка – узкая, менее метра в ширину лесная просека или просто прямая череда затёсок на деревьях.

⁶ Эбен – материал из плотной ядровой древесины эбенового дерева чёрного цвета.

□

Виталий Ювиальевич ЛАМОВ

родился в 1955 году в лесном посёлке Ёлга

Тарногского района Вологодской области.

Работал техником-лесоводом, имея под началом лесничество.

В 1980 г. получил диплом лесовода после окончания

Лисинского лесхоза-техникума в Ленинградской области.

Работал в лесхозе лесничим.

В данный момент пенсионер.

Публиковался в различных периодических изданиях охотничьей

тематики и в художественных сборниках.

Издано несколько небольших авторских книг.

